

19 октября в Камерном музыкальном театре под руководством Бориса Покровского праздник: отмечается 30-летие легендарной постановки оперы Дмитрия Шостаковича «Нос». В этот вечер за дирижерским пультом снова будет стоять Геннадий Рождественский, бывший некогда музыкальным руководителем спектакля.

За прошедшие тридцать лет «Нос» в постановке Бориса Покровского был сыгран около 330 раз и объездил почти весь мир. Его неслучайно считают визитной карточкой Камерного — именно в «Носе» совсем молодой тогда театр обрел свой стиль, и яркая зрелищность массовых сцен счастливо соединилась с тонким психологизмом актерской игры.

Борис Александрович ПОКРОВСКИЙ вспоминает о том, как шла работа над «Носом».

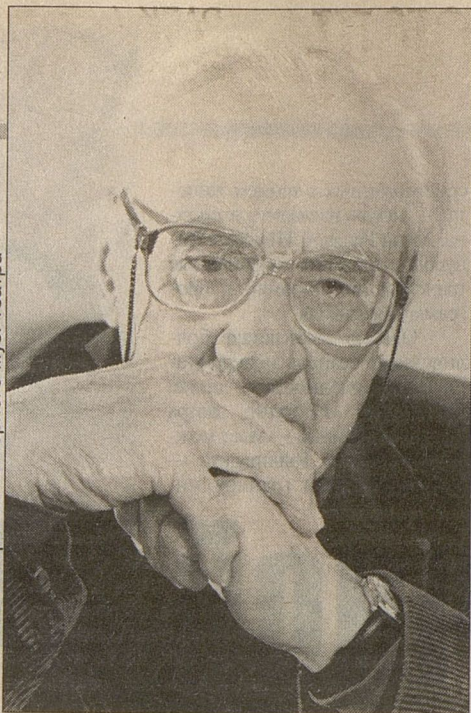

Фото из архива Камерного муз. театра

тому что он хочет дирижировать нашим спектаклем». Шостакович вздохнул. Это был не просто вздох — это открылись двери, и партитура «Носа» оказалась в моих руках.

Через некоторое время в подвал, с трудом спускаясь вниз, стал приходить Дмитрий Дмитриевич. Во время репетиций он, как и полагается великому композитору, сидел и молчал.

Перед моими глазами уже был такой пример — Сергей Прокофьев, который на моих репетициях тоже молчал. И только удивлялся всему, что творится на сцене. У него не было ни возражений, ни предложений, но ему было удивительно все происходящее, по-

— Я читала, что, когда Шостакович писал оперу «Нос», он вспоминал знаменитый спектакль «Ревизор» Всеволода Мейерхольда, в который был вменен «весь Гоголь». Мне кажется, в вашем спектакле «Нос» тоже есть это стремление дать «весь Гоголь». Неслучайно в доме-музее Мейерхольда в Пензе целый стенд посвящен вашему спектаклю...

— Когда я учился в ГИТИСе, у нас были два бога: Мейерхольд и Станиславский. Мейерхольда называли формалистом, хотя сам он говорил нам, что если кто и формалист, новатор — так это Станиславский. А мы все, говорил Мейерхольд, мальчишки, подбирающие за ним

ботать хорошо — что-то сегодня он вяло репетирует».

Мы не были достаточно серьезны, чтобы по-настоящему понять великое творчество Мейерхольда. Однажды я позволил себе спорить с ним, и он посмеялся, и все остальные тоже стали над мной смеяться и превратили меня в трюбуху.

Конечно, «Ревизор» Мейерхольда — это весь Гоголь. И, наверное, его спектакль в какой-то степени повлиял на меня. Но я никогда не подражал ему, потому что не смел. Я не могу назвать себя учеником Станиславского или Мейерхольда — я не такой нахал, не такой наглец. Я просто

Покровский Борис Александрович

30 лет с «Носом»

Борис ПОКРОВСКИЙ:

Все время боюсь, как бы не обиделся Шостакович

— Когда вы задумали поставить эту оперу Дмитрия Шостаковича?

— Это было очень давно. Еще в то время, когда в 1930 году «Нос» шел в Ленинграде. Считалось, что Шостакович написал слишком сложную, антиоперную музыку, и спектакль замалчивали, затушевывали. Мы тогда думали, что происходит самая обыкновенная глупость и «Нос» не принимают невежды. Мы были молоды, а молодости естественно иметь свое мнение и безответственно высказывать его друг другу.

Много лет спустя, после долгой работы в Большом, я придумал создать свой театр, так называемый Камерный музыкальный. Мечтал о нем давно, мне хотелось близких отношений между артистами и публикой, хотелось создать камерный театр, где не нужно было бы поражать масштабами и где бы мы старались проникать в сущность человеческой природы. Я решил: опера Шостаковича «Нос» непременно будет среди тех произведений, которыми откроется наш театр.

Мне никто ничего не запрещал, кроме... самого Шостаковича. Дмитрий Дмитриевич категорически возражал против постановки своей юношеской оперы. Он был милым человеком и говорил так: «Зачем вам себя утруждать, зачем лишние неприятности, мало ли что — поставите «Нос», вас сразу обвинят в формализме, станут критиковать». Начал перечислять, как много недостатков в этом произведении. Ни один из критиков Шостаковича был бы не в состоянии обнаружить в опере столько недостатков, сколько нашел он сам! Скажем, рассказал, что, когда работал над оперой, не знал, как писать партию альтов. И убеждал, что альты просто не смогут справиться с музыкой, которую он сочинил! Через много лет я вспомнил это и страшно захохотал. Потому что ни я, ни Шостакович тогда не знали, что в нашем оркестре, состояв-

шем из студентов консерватории, играет человек, которого впоследствии назовут самым великим альтистом мира, — Юрий Башмет.

— Как же вы все-таки добились от Шостаковича согласия на постановку?

— Однажды я шел на репетицию, переходил Кузнецкий Мост. Навстречу — мой знакомый, Геннадий Николаевич Рождественский. Тогда он был просто Гена. «Как дела?» — спрашивает. «Да вот свой театр создаю. Репетирую «Нос». — «Какой «Нос»? — «Шостаковича». Смеется: «Какая ерунда! Кто это может спеть? В нашей стране сейчас нет людей, которые это могут спеть и сыграть». — «А вот мы и поем, и играем». И Рождественский пошел со мной на репетицию. Подходя к складам Театра оперетты, где мы тогда репетировали, мы услышали, что идут уроки: поют двое мужчин, тенор и баритон. Но я даже не обратил внимания на то, что именно они поют, — я смотрел на руку Геннадия Николаевича, которая

Сцена из спектакля

двигалась так, как будто он дирижировал. И я понял: он идет за мной не из любопытства, а потому что ему нужен Шостакович, нужен «Нос».

И когда Дмитрий Дмитриевич в очередной раз сказал мне, что «Нос» невозможно поставить, я ответил: «А вот Рождественский считает, что возможно!». Воцарилась тишина, и Дмитрий Дмитриевич спросил: «Геня?..». «Да, Геня». — «А почему Геня?» — «А по-

мальчишески удивительно и смешно. Что вот он, например, написал форшлаг, а в это время тенор, оказывается, должен мигнуть левым глазом баритону! Этих больших композиторов безумно занимал процесс превращения музыки в театральное действие. Наверное, они не понимали, что на самом деле они драматурги. И что мизансцены не придумываются режиссером — все они уже заложены в партитуре...

мичи. Мы были влюблены в Мейерхольда, смотрели все его спектакли. Обожили бывать на его репетициях. Там присутствовала некая доля озорства — что нам очень нравилось. Когда нас восхищала какая-то мизансцена, мы аплодировали, кричали «ура!», «гениально!» — это будоражило Мейерхольда. Его супруга Зинаида Райх даже говорила нам в Ленинграде, когда он репетировал «Пиковую даму»: «Давайте заставите его ра-

смотрел на Гоголя глазами Шостаковича...

...Наверное, это звучит наивно, но у меня особые отношения с Шостаковичем. Он мне очень близок. Его давно нет, а я — есть, и вот я говорю перед спектаклем: «Костюмы проверьте», потому что боюсь, как бы он не обиделся...

● Беседовала
Александра
МАШУКОВА

Программа Второго Московского Международного фестиваля балета Grand Pas-2004

19 октября 2004

20.00 (Новая сцена Большого театра)
Dutch National Ballet

20 октября 2004

20.00 (Новая сцена Большого театра)
Dutch National Ballet

21 октября 2004

20.00 (Новая сцена Большого театра)
Complexions Dance Company

22 октября 2004

20.00 (Новая сцена Большого театра)
Complexions Dance Company

23 октября 2004

20.00 (Новая сцена Большого театра)
Les Ballets Trockadero de Monte-Carlo

24 октября 2004

20.00 (Новая сцена Большого театра)
Les Ballets Trockadero de Monte-Carlo

25 октября 2004

20.00 (Основная сцена Большого театра)
Гала-концерт и Торжественная церемония награждения участников фестиваля

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДЕЛЬФИЙСКИЙ СОВЕТ РОССИИ

представляет

ДЕЛЬФИЙСКИЕ ИГРЫ

тел. 206-88-68; факс 206-88-58; www.delphic.ru; mail@delphic.ru

Искусство — это мы...